

12 1 МАЯ 1982

Заметки о театре

ЗАКОН ЧЕТВЕРТОЙ СТЕНЫ

Ме прошло и года с тех пор, как Бугульминский государственный русский драматический театр приезжал с творческим отчетом в Казань. Тот, кто тогда побывал на его спектаклях, очевидно, не пожалел об этом. Театр замыкал о себе всерьез. Об интересном творческом поиске говорили его гастрольная афиша, ряд удачных актерских дебютов, художественное видение нового главного режиссера О. Сидорина.

К своему нынешнему дню театр шел через самую строгую

самокритику, максимально используя свои, в общем-то весьма ограниченные возможности, зарискованные на официальных положениях о городских театрах, так и долгой практикой довольно беспримесного существования на творческом горизонте. И вот как бы в преодолении такой практики на его сцене появляются спектакли «Синие юбки на красной траве» М. Шатрова, «Тринадцатый председатель» А. Абдуллина, «Последний срок» В. Распутына.

дельная внутренняя сосредоточенность, и в почти гротескном облике Брагинной с ее замашками провинциальной грандамы («Шерше ля фам»). То же стремление подчинить чисто изобразительный ряд внутренней логике образа отличает игру Н. Качкиной, Д. Сидориной, В. Апраксина, Р. Салимова, Г. Чистяковой. Мягкую, едва заметную иронию привносит в каждую свою роль заслуженный артист ТАССР И. Демидов, и в этом секрет обаяния и трогательной чудоватости его героев. Небольшой сценический опыт по-прежнему на стороне и таких актеров старшего поколения, как К. Чумакова, В. Бухало, В. Соколкин, ветеран этой сцены А. Я. Ган.

Конечно, далеко не все из них прошли свой путь к мастерству до конца. Еще нередко смысловая наполненность роли форсируется внешней театральностью, типичностью исполнителя. Пожалуй, еще никто из актеров труппы, за исключением разве что Черноглазова, не стремится утвердиться на сцене своей темой, когда весь профессиональный и личностный актив артиста мобилизуется на защиту какой-то определенной идейно-нравственной позиции. Хотелось бы, чтобы именно эта сторона на творческого поиска стала ближайшим ориентиром для молодых. Ведь впереди их ждут «Тиль Уленшпигель», «Прошлым летом в Чулимске», а возможно, и «Борис Годунов». Каждый из этих произведений может стать для них серьезным испытанием на одержимости.

Шаги навстречу

Чем больше я убеждалась в том, что театр вырос и художественно, и профессионально, и граждански, тем с каждым разом тяжелее было мириться с рядами пустующих кресел в зрительном зале во время спектакля.

Делаясь неожиданное открытие: многие бугульминцы

просто не знают своего театра, по привычке испытывая к нему нечто вроде синхронизированного покровительства. Иначе как понять тех людей, которые порой, уступая уговорам распространителя билетов, даже отдают за них требуемую сумму, но в театр так и не идут.

Наверное, есть в этом вина и самого театра, который лишь совсем недавно стал вести целенаправленную работу по воспитанию зрительской аудитории. И, оказывается, даже короткое аступительное слово перед спектаклем может заставить людей как-то иначе, требовательнее взглянуть и на сцену, и на самих себя. А какой неожиданный и радостный результат принесли творческие встречи с сотрудниками института «ТатНИПИнефть». Сегодня большинство из них не пропускает ни одной премьеры. Здесь же была проведена анкета, которая выявила вкусы, пристрастия людей, их искреннюю заинтересованность в том, чтобы театр нашел своего зрителя, предлагая конкретные пути к тому. К некоторым из них просто необходимо прислушаться. Подобную же анкету следовало бы распространить и среди других коллективов и тем самым выйти на новые энтузиасты, которые стали бы постоянными помощниками театра в организации творческих встреч, просмотров, обсуждений.

Думается, следует более полно использовать и форму творческих отчетов, чаще выезжать с лучшими спектаклями в такие города, как Нижнекамск, Набережные Челны, где пока еще нет своих профессиональных трупп, а интерес к театру — постоянный. Это поможет продлить жизнь на сцене многим интересным постановкам, таким, например, как «Синие юбки на красной траве».

Театр живет усилиями и тех, кто на сцене, и тех, кто в зрительном зале. Пытаться убеждать себя от этих духовных затрат, возводя несокрушимую стену между собственной жизнью и той, что становится откровением сцены, — значит быть плохим зрителем. Мириться с ней, не умея поднять правду искусства над всеправдошностью просто яркого зрелища — значит быть плохим театром. Закон разрушающейся четвертой стены и есть та точка отсчета, с которой начинается сам театр и любовь к нему.

О. СТРЕЛЬНИКОВА.

Наш спец. корр.

До первого звонка

Мне предстояла новая встреча с этим творческим коллективом, но уже в его родных стенах. На улицах Бугульмы дозвонился к театру мне охотно подсаживали встречные прохожие.

В театре шла репетиция. Готовилась к постановке пьесы Ахатия Гоцадзе «Святые в аду». Позади был сирупелесный разбор пьесы, поиск своего, наиболее интересного ее решения, часы раздумий, споры, обретения истины. И вот перед репетицией на сцене. Ее пространство осканьвается актерами как бы заново.

— А теперь все сначала, только живее, собраннее, — говорит актерам Сидорин, в который раз перематывая назад фонограмму.

И вновь звучит режиссер. Становятся в строй поэт, пастух, вчерашний студент — грузинский отряд ополчения, которому завтра идти защищать Новороссийск. В них пока еще нет ничего героического, солдатами им только предстоит стать. Об этом и будущий спектакль.

— Нам хотелось бы, чтобы он прозвучал напоминанием о том, что память о минувшей войне не должна уходить только в гранит мемуаралов, в строки учебников, — делится своим замыслом режиссер. — Имена и даты свято хранит история. Человеческая же память должна защищать мысли, чувства и идеалы тех людей, что вернули нам мир. В неволе тяжелых условиях войны они хранили верность своим кровным и духовным корням, чистоте лерных чувств и трепетной мечте о них. Пока все это будет неискренне в нас, не умрет и память о том мужественном поколении.

...Идет четвертый час репетиции. Ее напряженный ритм как-то незаметно передался и тем, кто за кулисами. Чувствуется оживление в костюмерном цехе, где из запасников достали все имеющиеся солдатские шинели, прикидывая, кому из актеров они окажутся впору. Вновь склонился над эскизами главный художник театра Е. Федотов. Ему предстоит обеспечить большую работу, едва ли не каждая из восьми картин спектакля будет идти со сменой декораций.

До премьеры еще было время (она состоялась в День Победы), а вот до первого звонка, извещающего о скором начале вечернего спектакля, оставалось совсем немного.

К вопросу о комедии

На афише бугульминцев три новых названия: «Святая Сусанна, или Школа мастеров» Э. Веттема, «Лазейка» М. Дарьянова и «Шерше ля фам» Л. Кожевникова. Неожиданность заключалась в том, что все эти спектакли по жанру — комедии. А ведь только что утверждалось, что избранное коллективом направление творческого поиска не терпит ничего случайного, легковесного, вытесняющего подлинно драматическую природу театральности образности. Так нужно ли понимать этот выбор просто как случайное стечение обстоятельств или корень его гораздо глубже?

Особо хотелось бы остановиться на третьем из вышеупомянутых спектаклей. Поняв некоторые ирриности его названия «Шерше ля фам» — даже настаивают: не скрывать ли за ним намерение просто потешить зрителя заморской жлобятиной? Однако спектакль

так далеко от этого. Комедия молодого казанского драматурга Льва Кожевникова (а это имя — открытие Бугульминского театра) замешана на сатирических красках. И самый крупный свой счет она предъявляет воинствующему обывательству: и когда оно расставляет свои сети досьудными сплетнями и жанжескими ужимками, и когда, облеченное властью, плодит вокруг себя чванливую бесцеремонность и самоуверенную убежденность в непогрешимости любых своих слов и действий. Что же всему этому приносит в жертву? Только ли доброе имя Светланы Сергеевны, секретарши главного героя — управляющего торгового базой «Сельхозтехники» Брагин? Или же нечто большее, и прежде всего неприкосновенность человеческого достоинства и право каждого из нас отстаивать его. Несомненно на «благословенном», даже несколько лиричном разрешении интриги, финал спектакля — это тревожный вопрос, обращенный прямо в зал: а не позвучит ли за собой маленькая уступка мажорской морали другую, более откровенную сделку с совестью, если вовремя не перепахать занесенную над чьим-то человеческим достоинством руку корысти и беспринципности?

Думается, театр сумел доказать, что насканды трюков, палейбуров, смешных стечений обстоятельств — это еще далеко не все возможности комедии. Она должна будить мысль, дух исследования во всем новом, нарождающемся и подвигать каждого зрителя к пониманию подлинных жизненных ценностей, правды того или иного явления, характера, в основе которых лежит глубоко нравственный стержень, питающийся от самых высших человеческих побуждений.

Требуются одержимые

К актерам городского театра должно быть особое, в сказала, бережное отношение. Конечно, звучит красиво — «жизнь на колесах», но сколько она требует усилий и затрат, физических и душевных!

Выезды, малые и режиссерские гастроли — всем этим живет и бугульминская труппа. Но в последнее время здесь ясно наметилась тенденция: по возможности чаще играть на стационаре, на своей собственной сцене, чтобы не утратить силы непреложный закон искусства о том, что зритель сам должен находить дорогу в театр. Нужно это и актерам, чтобы они не потеряли своей творческой формы, чувства сцены, ощущения полной самоотдачи, что, и сомнению, не всегда достигается в «полевых» условиях.

В последние годы труппа заметно пополнилась новыми, и что особенно отрадно, молодыми актерами. За ними — не только высокая профессиональная подготовленность, но и большая работоспособность, убежденность в необходимости постоянного творческого совершенствования. И это не могло не отразиться на атмосфере коллектива в целом. Очередной ступенью к постижению самых зрелых проявлений человеческого духа становится каждая роль С. Черноглазова. Его незаурядный актерский и личный духовный потенциал, пожалуй, ярче всего проявился в работе над образом Ленина в спектакле «Синие юбки на красной траве». В самых разнотных планах пробует себя Т. Мышлякина, она убедительна и в «Последнем сроке» (Надя), где от актрисы требуется пре-